
ВОЙНА 1812 г. В ОБЩИХ РАБОТАХ СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИКОВ ФРАНЦИИ

В. Г. СИРОТКИН

События, связанные с войной 1812 г. (150-летний юбилей которой отмечается в этом году), интересовали и продолжают интересовать как советских, так и зарубежных историков.

Война 1812 г., как известно, не была изолированным явлением в системе международных отношений начала XIX в. Ей предшествовал более чем десятилетний период эпохи т. н. «наполеоновских войн», отмеченный перекройкой политической карты Европы, возникновением новых государств и исчезновением старых, применением экономических методов борьбы (континентальная блокада) и т. п. Значение войны 1812 г. для судеб Европы состоит в том, что она положила конец господству наполеоновской империи в Европе, знаменовала крах военных, дипломатических и экономических усилий Наполеона сокрушить Англию и добиться мировой гегемонии.

В советской историографии исследование широкого круга проблем этой войны связано с именем покойного акад. Е. В. Тарле. Его перу принадлежит большое число работ по экономической и политической истории наполеоновской империи, а также по военной истории войны 1812 г.¹ Им же, кроме того, был сделан и критический разбор наполеоновской историографии за сто лет — с 30-х годов XIX до 30-х годов нашего века².

Рассматривая современную французскую буржуазную историческую литературу о войне 1812 г., нельзя не отметить, что основные критические замечания Е. В. Тарле применимы и сейчас к большинству работ буржуазных авторов. Вместе с тем необходимо отметить и некоторые отличия от «традиционных» схем. Это более отчетливая, чем ранее, тенденция к «модернизации» истории войны 1812 г., стремление найти в событиях 150-летней давности связь с современностью, более настойчивые, чем ранее, попытки противопоставления России и СССР Западу, сглаживание англо-французского конфликта наполеоновской эпохи и выпячивание агрессивной роли России в угоду нынешней «атлантической солидарности» и т. п.

По сравнению с советской исторической литературой о войне 1812 г. для французской историографии характерен иной подход к хроноло-

---

¹ См. Е. В. Тарле. Континентальная блокада. Соч., т. 3, М., 1958; Его же. 1812 год, М., АН СССР, 1961 (Наполеон, Нашествие Наполеона на Россию, М. И. Кутузов — полководец и дипломат.).

² Е. В. Тарле. О наполеоновской историографии (в кн. «1812 год», стр. 405—412). См. также данную им характеристику общих зарубежных работ, вышедших до 1951 г. (там же, стр. 732—733, 747).

гическим рамкам этой войны. Французские историки, как правило, уделяют гораздо меньше внимания непосредственной истории войны (ходу военных действий, операциям партизан и т. п.), обращая основное внимание на последствия военного разгрома армий Наполеона в России для судьбы его империи в целом. Поэтому они обычно рассматривают войну 1812 г. в общей связи с другими войнами Наполеона и всей международной обстановкой начала XIX в. Отсюда — крайне незначительное число специальных работ по войне 1812 г. и преобладание общих исследований об империи Наполеона.

Господствующей в современной французской буржуазной историографии и по сей день остается концепция якобы оборонительного характера войн Наполеона, а сам император по-прежнему считается продолжателем дела Французской буржуазной революции. Наиболее полно эта концепция была развита в работах французских буржуазных историков конца XIX — начала XX в. (главным образом у А. Сореля и А. Вандаля)³. Никто из них не пожелал взглянуть в лицо действительности и признать превращение оборонительных войн французской республики в захватнические, империалистические походы наполеоновской империи. Последние упорно рассматривались ими как продолжение борьбы Франции за защиту ее «естественных границ» сначала по Рейну, Альпам и Пиренеям, затем по Одере и Висле, а далее и на полях России. Во всех этих трудах отчетливо сквозит откровенная апологетика личности Наполеона, некритическое восхваление всех его действий.

В последнее время, однако, этой традиционной схеме, вошедшей во французские учебники, все чаще и чаще стала противостоять новая тенденция, характеризующаяся попыткой некоторых французских буржуазных историков (главным образом т. н. «экономического направления») пересмотреть апологетическую точку зрения и дать более объективный анализ наполеоновской эпохи. Первую такую попытку сделал известный французский буржуазный историк Ж. Лефевр еще в 1932 г.⁴ При характеристике наполеоновской историографии Е. В. Тарле выделил его исследование из общего числа работ о Наполеоне как «гораздо более объективную и научную книгу»⁵.

Новым явлением в современной французской исторической науке, несомненно, может быть названа монография французского историка коммуниста Э. Терсена «Наполеон», выпущенная издательством «Клуб французской книги» в серии «Исторические портреты»⁶. Эта книга выделяется глубиной исторических обобщений, в ней содержится анализ социально-экономической сущности Первой империи, от которого, как правило, уклоняются буржуазные авторы.

В связи с вышесказанным нам представляется целесообразным при характеристике освещения войны 1812 г. во французской историографии остановиться на наиболее типичных общих трудах буржуазных историков и работе Терсена. Апологетическая тенденция наиболее полно отражена в книге А. Фюжье «Французская революция и наполеоновская империя», являющейся IV томом «Истории международных отношений» (вышла под ред. известного французского буржуазного

³ См. A. Sorel. L'Europe et la Révolution Française, vol. 5—8, Paris, 1891—1904; A. Vandal. Napoléon et Alexandre I. L'alliance franco-russe pendant le premier empire, vol. 1—3, Paris, 1893—1894 (работы Сореля и Вандалья переведены на русский язык).

⁴ См. G. Lefebvre. Napoléon, Paris, 1932, в серии «Histoire générale. Peuples et civilisations», t. XIV. Книга выдержала несколько изданий. Последнее в 1953 г.

⁵ Е. В. Тарле. О наполеоновской историографии. «1812 год», стр. 410. Необходимо отметить, что эта работа Лефевра не была в свое время подвергнута в СССР критическому разбору.

⁶ E. Terzen. Napoléon, Paris. Club français du livre, 1959 (Collection «Portraits de l'Histoire»).

историка П. Ренувена)⁷; объективистская тенденция — в труде Р. Мунье и Э. Лабрусса «XVIII век (1714—1815 гг.)». Интеллектуальная, техническая и политическая революция», являющемся V т. «Всеобщей истории цивилизации» (вышла под ред. генерального инспектора народного образования проф. М. Крузе)⁸. Все три работы содержат сжатую характеристику истории международных отношений эпохи наполеоновских войн (1799—1815) и оценку кампании 1812 г. в России. Авторы не ставят своей задачей ввести в научный оборот новые материалы об этой эпохе. Их исследования интересны с точки зрения освещения причин возникновения войны 1812 г. и поражения Наполеона в России на современном этапе развития французской историографии. Из широкого круга вопросов, затронутых в этих работах, мы выделим два: 1) об агрессивной сущности наполеоновской внешней политики и причинах возникновения войны 1812 г.; 2) о причинах военного и дипломатического поражения наполеоновской армии. Оба вопроса тесно связаны между собой, причем из первого вытекает последующий, поскольку именно в агрессивном, захватническом характере наполеоновской империи крылись главные причины нападения Наполеона на Россию.

ВОПРОС ОБ АГРЕССИВНОЙ СУЩНОСТИ НАПОЛЕОНОВСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И ПРИЧИНАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ВОЙНЫ 1812 г.

В книге А. Фюжье отчетливо видна тенденция преуменьшить агрессивную сущность наполеоновской политики. Повторяя тезис А. Сореля, автор на протяжении всего повествования исподволь проводит мысль об «оборонительном» характере наполеоновских войн. Так, он почти ничего не говорит о стремлении Наполеона к мировому господству и вытекавшем из этого стремления основном факторе международных отношений начала XIX в. — англо-французской борьбе за мировое первенство и колонии. Наоборот, Фюжье хочет сгладить англо-французские противоречия, а в качестве основного противника наполеоновской Франции представить Россию. Гл. IV его книги так и называется «Русские коалиции (1803—1807 гг.)». Интересно отметить, что стремление французских историков преуменьшить степень конфликта между наполеоновской империей и Англией находит поддержку и по другую сторону Ла-Манша. Развивая основной тезис английской буржуазной историографии о якобы оборонительном характере внешней политики Англии начала XIX в., военный историк П. Маккези в книге «Война на Средиземном море (1803—1810 гг.)» утверждает, что в эпоху наполеоновских войн Англия играла в Средиземноморье «вторую скрипку», во всем следуя внешнеполитическому курсу России⁹. Аналогичная концепция присуща и другим работам, вышедшим на Западе после второй мировой войны¹⁰.

⁷ «Histoire des relations internationales», publiée sous la direction de P. Renouvin. t. IV: A. Fugier. La Révolution française et l'Empire napoléonien. Paris, 1954. Сюда же надо отнести 16-томную «Историю консульства и империи» члена Французской Академии Луи Мадлена, вышедшую в 1937—1954 гг., в частности, ее 12 т. «Русская катастрофа» (L. Madelin. Histoire du Consulat et de l'Empire, t. 12, La Catastrophe de Russie, Paris, 1949), а также «Всеобщую историю» под ред. известного комментатора мемуаров Наполеона М. Дюнана («Histoire universelle», sous la direction de M. Dupan, Paris, 1961, t. 2).

⁸ «Histoire général des civilisations», publiée sous la direction de M. Crouzet; t. I—VII, Paris, 1953—1957; P. Mousnier, Et. Labrousse, XVII siècle. Révolution intellectuelle, technique et politique (1715—1815), Paris, 1955. При характеристике этой тенденции мы будем ссылаться также на последнее (1953) издание книги Ж. Лефевра «Наполеон».

⁹ P. Mackesy. The War on the Mediterranean (1803—1810), London, 1957, p. 430.

¹⁰ См. последнюю книгу известного польского реакционного историка-эмигранта М. Кукеля «Gzartoryski and European Unity (1770—1861)» (Princeton, 1955). Как и в своем довоенном двухтомном исследовании (M. Kukiel. Wojna 1812 roku, Kraków, 1937), автор проводит «тезис» о постоянной агрессивной сущности России, от которой якобы защищалась «западная цивилизация».

Действительно, царская Россия с 1804 г. (после кратковременного периода мирных отношений с Францией на базе Парижских соглашений 1801 г.) принимала самое активное участие в подготовке и создании третьей, самой мощной антинаполеоновской коалиции, носившей открыто наступательный характер и ставившей своей задачей возвращение Франции к границам времен Директории. Но, как об этом свидетельствуют многочисленные и впервые опубликованные в 1961 г. документы англо-русской переписки эпохи подготовки III коалиции, поднятые из архивов МИД царской России, главным инициатором и финансово-торговым субсидером этой коалиции выступала Англия¹¹. Именно она с середины 1803 г. настойчиво предлагала русскому правительству отказаться от политики невмешательства в европейские дела (которую Россия проводила в 1801—1803 гг.) и заключить союз против Франции. Именно она в 1804—1805 г. щедро снабжала основных участников коалиции (Россию, Австрию и Швецию) деньгами и оружием. В 1804—1806 гг. на английские деньги содержались почти все русские войска и флот за пределами России (в Северной Германии, на Ионических о-вах, эскадра Д. Н. Сенявина в Адриатическом море и др.). В 1805 г. царское правительство получило от Англии 250 000 фунтов стерлингов¹². В 1806 г. Англия обещала России, в случае продолжения войны с Францией на континенте, уже 800 000 ф. стерл.¹³. Львиная доля этих огромных сумм шла на военные расходы России за границей. В 1806—1807 г. вопрос об английских субсидиях занимал одно из ведущих мест в англо-русской переписке. Царские дипломаты соглашались на ведение войны против Франции лишь при условии предоставления займа в 6 млн. ф. стерл. сроком на 20 лет¹⁴. Отказ Англии предоставить требуемый заем послужил одной из причин изменения ориентации России и заключения мира и союза с Наполеоном в Тильзите¹⁵.

Таким образом, предлагаемый Фюжье анализ внешнеполитической ситуации в Европе в первом десятилетии прошлого века явно грешит тенденциозностью. Тщетно искать у него раскрытия классовой сущности внешней политики бонапартизма. Весь ход его изложения свидетельствует о том, что он разделяет распространенную среди французских буржуазных историков концепцию «надклассового» Наполеона, якобы отстаивавшего интересы французской нации «в целом»¹⁶.

С попыткой дать социально-политическую оценку внешней политики империи Наполеона мы встречаемся при знакомстве с пятым томом «Всеобщей истории цивилизации». Его авторы справедливо считают бонапартизм реакцией французской буржуазии на революционный подъем масс, а самого Наполеона — ставленником буржуазии Франции. Однако вместе с тем они видят в Наполеоне проводника идей фран-

¹¹ См. «Внешняя политика России XIX — начала XX века», серия первая, 1801—1815, т. 2, апрель 1804 — декабрь 1805 г., М., 1961, 448 стр. (особенно важны документы №№ 20, 79, 107, 118, 125, 199).

¹² ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 38, д. 44, лл. 54—55. «Генеральный счет суммам, употребленным на внешние платежи с 1 января 1805 года по 1 января 1806 года».

¹³ Там же, л. 11.

¹⁴ АВПР, ф. Канцелярии МИД, д. 4329, лл. 21—24. Нота министра иностранных дел России А. Я. Будберга английскому посланнику в Петербурге Стюарту от 15(27) ноября 1807 г.

¹⁵ См. ноту А. Я. Будберга английскому послу в России Г. Л. Гоуэру от 17(29) июня 1807 г. с жалобой на отказ Англии предоставить требуемые субсидии («Gorbett's Parliamentary Debates», vol. X, London, 1808, coll. 111—113); сб. РИО, т. 89, стр. 44—45. А. М. Станиславская. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1738—1807), М., АН СССР, 1962, стр. 191.

¹⁶ Особенно типичен в этом отношении сб. статей «Наполеон», вышедший в Париже в 1960 г. в серии «Гении и действительность». Этот сб. со 180 цветными иллюстрациями даже по выражению одного из его авторов. М. Дюнана является типичным образцом «иконписного издания» (см. «Revue d'histoire diplomatique», 1961, № 1, p. 61).

цузской буржуазной революции, а его империю — стабилизовавшей формой Великой французской революции¹⁷. На деле, конечно, Наполеон никаким «продолжателем» революции не был. Наоборот, он затормозил ее развитие, ввергнув французский народ в кровопролитные войны за интересы крупной французской буржуазии, одной из которых была и война 1812 года.

И лишь в работе Э. Терсена показана социальная сущность бонапартизма как формы военной диктатуры крупной буржуазии Франции. Автор критикует концепцию «Наполеона сверхчеловека», апологеты которой глядят на всю историю Франции и международных отношений 1799—1814 г. сквозь призму одних лишь честолюбивых замыслов «героя Тулона». Терсен связывает наполеоновскую внешнюю политику с захватническими планами крупной французской буржуазии. Полемизуя с концепцией А. Сореля, он отмечает, что с 1807 г. старый республиканский тезис о «защите естественных границ» Франции по Рейну и Альпам изжил себя¹⁸.

* * *

Вопрос о причинах войны 1812 г. во французской буржуазной литературе является наиболее острым. В последнее время во Франции все более и более видна тенденция видеть эти причины в крахе попыток Наполеона навязать своим союзникам (в частности, России) условия континентальной блокады. Утверждается, что прежде всего несоблюдение русским правительством континентальной блокады и экономические контакты с Англией под видом нейтральной торговли толкнули Наполеона на поход в Россию¹⁹. При этом преувеличивается значение запретительных постановлений этой блокады и сама она рассматривается не как одна из форм борьбы Наполеона с Англией, а как некая попытка экономической организации Европы. Поскольку же отсталые дворянские монархии Европы (прежде всего Россия) не сумели понять этой новой системы и не присоединились к ней, Наполеон якобы вынужден был прибегнуть к военным санкциям.

А. Фюжье, верный своему методу восхваления Наполеона, рассматривает континентальную блокаду исключительно в аспекте его экономического гения. По мнению автора, континентальная блокада — вершина экономической мысли Наполеона, задумавшего более 150 лет назад создать в Европе нечто вроде нынешнего «общего рынка» и не сумевшего осуществить этот план в силу отсутствия в то время достаточных технико-экономических и транспортных средств объединения завоеванных стран²⁰. Вот характерная для Фюжье сентенция: «Как завоеватель, Наполеон жаловался, что родился слишком поздно. Для создания экономики и изменения с помощью ее человеческого общества, без сомнения, он родился слишком рано»²¹. Нужно ли говорить, что

¹⁷ «Наполеон Бонапарт, поверенный в делах французской буржуазии, стабилизировал революцию, обеспечив буржуазии основные ее завоевания...» («Histoire...», t. V, p. 3).

¹⁸ Э. Терсен. Указ. соч., стр. 205, 206.

¹⁹ Следует отметить, что в последнее время во Франции вышло немало работ по вопросу о континентальной блокаде. Их авторы обращают главное внимание на воздействие, оказанное запретительными постановлениями на экономику завоеванных Наполеоном или вынужденных присоединиться к этой блокаде стран. См., в частности, K. Heils. Les rapports économique franco-danois sous le Directoire le Consulat et l'Empire. Contribution à l'étude du système continentale, Paris, 1958. Особенно интересна своим большим фактическим материалом (главным образом из английских архивов) одна из последних работ по этой теме — «Британская экономика и континентальная блокада (1806—1813)» французского историка Франсуа Крузе (Paris, 1958, vol. 1—2).

²⁰ А. Фюжье. Указ. соч., p. 233.

²¹ Там же, p. 242.

такая «концепция» континентальной блокады не имеет ничего общего с действительными фактами? Будучи явной попыткой протянуть ниточку от современного «общего рынка», Евратома и Европейского объединения угля и стали к приоритету Наполеона в создании замкнутых европейских объединений, идеализация наполеоновской континентальной блокады никак не подтверждается фактами. Отметим, кстати, что подобные антиисторические параллели делались во Франции еще во времена Виши²².

На деле континентальная блокада была задумана Наполеоном совсем не с целью хозяйственного развития покоренных им государств на общей экономической базе, а напротив, с целью их ослабления и превращения в сырьевые придатки Франции. В основе замысла Наполеона лежало возникшее после провала планов военного вторжения на Британские острова стремление экономически удушить Англию. Континентальная блокада была одним из средств, с помощью которых Наполеон надеялся достичь мирового господства. Однако объективно-исторические последствия воздействия этой системы на всю европейскую торговлю и экономику никак (и это вынужден признать, в частности, А. Фюжье) не соответствовали замыслам Наполеона. Иначе зачем бы он пошел на прямое нарушение им самим изданных декретов и во имя ликвидации кризиса сбыта в стране негласно начал выдавать французским купцам лицензии на торговлю хлебом с Англией, т. е. как раз тем самым продуктом, в котором более всего нуждалась английская буржуазия?

Далее. Если бы Наполеон действительно хотел стабилизации экономических отношений со своими союзниками, и в частности с Россией, он постарался бы развивать русско-французскую торговлю, заполнить тот вакуум, который образовался после ухода английских купцов с русского рынка. Французский же император, всячески афишируя в официальной переписке с Александром I взаимные выгоды от торговли России и Франции, особенно через Черное море²³, на практике ничего не делал для действительного развития франко-русской торговли. А ведь Россия еще в 1802 г. возобновила действие чрезвычайно выгодного для французских купцов франко-русского торгового договора 1787 г. сроком на 8 лет и вновь ввела его в действие после Тильзитского мира 1807 г. Но наполеоновское правительство не стремилось реализовать этот выгодный для себя договор. Так, даже в 1804 г., через два года после возобновления торгового трактата России и Франции, марсельские таможенники продолжали чинить препятствия русским купцам, ссылаясь на то, что они ничего не знают об этом договоре²⁴.

О том, насколько «рьяно» Наполеон пекся об установлении экономической общности своей империи и других континентальных стран, свидетельствует и инструкция, направленная французскому торговому консулу в Петербурге Лессепсу 17 сентября 1807 г. (всего через месяц после заключения договора о союзе с Россией). Предостерегая Лессепса от слишком большого рвения в деле развития франко-русских торговых отношений, наполеоновский министр иностранных дел Шампаньи писал: «Торговые интересы важны не столько для процветания Франции, сколько для Англии, существование которой основано на торговле»²⁵. Попытки России хотя бы частично покрыть дефицит бюджета (вызванного прекращением торговли с Англией) в 1810 г. за счет зай-

²² См. В. de Jouvenel. Napoléon et l'économie dirigée, le Blocus continental, Paris, 1942; М. Dupan. Napoléon et l'Allemagne (1806—1810). Le système continental et les débuts du royaume de Bavière, Paris, 1943.

²³ Переписку Наполеона и Александра I по этому вопросу см. сб. РИО, т. 70, стр. 259—269, 341; т. 77, стр. 54—56, а также ЦГАДА, Госарх. XXX разр., д. 169.

²⁴ «Внешняя политика России XIX — начала XX в.», т. I, М., 1960, стр. 611.

²⁵ Сб. РИО, т. 89, стр. 188.

ма во Франции, натолкнулись на решительное противодействие Наполеона. Он не только не дал Александру I денег из своей казны, но и запретил частным французским банкам предоставлять России займы²⁶.

Именно неверие правящих классов России в экономический эффект континентальной блокады и ее откровенная направленность не только против Англии, но и против союзников Франции побудили царя через четыре месяца после Тильзита заявить, что он «снова провозглашает принцип вооруженного морского нейтралитета, этого памятника мудрости императрицы Екатерины, и обязуется никогда более не отступать от этой системы»²⁷. По существу Россия в 1807—1812 гг. в целях борьбы против превращения в аграрно-сырьевой придаток Франции была вынуждена противопоставить наполеоновской континентальной системе свою систему нейтральной торговли.

Тем французским историкам, которые пытаются объяснить захватнические походы Наполеона на Россию отказом последней войти в его континентальную систему, не стоило бы забывать, что с 1810 г. французский император постоянно грозил России войной в случае продолжения нейтральной морской торговли (в частности, с США),— а ведь прекращение ее (при фактическом отсутствии морской торговли с Францией) было равносильно для России экономическому самоубийству. Даже тогда, когда стало совершенно очевидно, что континентальная блокада не принесла Наполеону ожидавшихся от нее результатов, а лишь вызвала обострение франко-русских отношений, Наполеон тем не менее потребовал от Александра I безоговорочного присоединения к т. н. «Трианонскому тарифу» 5 августа 1810 г., запрещавшему ввоз в континентальную Европу колониального сырья, хотя Наполеон отлично знал, что принятие этого тарифа обрекало русскую мануфактуру на застой²⁸.

Угрозы Наполеона были частью его продуманной политики, предусматривавшей планирование войны против России ввиду очевидного провала попыток экономического удушения Англии. В марте 1810 г. он одобрил секретный доклад своего министра иностранных дел Шампаньи, предложившего начать создание антирусской коалиции в составе Польши, Турции, Швеции, Австрии и Дании. В докладе была определена и тактика наполеоновской дипломатии на период подготовки Франции к войне с Россией: «Откровенно противостоящие интересы скоро вызовут более или менее ярко выраженное противоречие политики Франции и политики России. Поэтому, не пренебрегая способами продолжить союз, база которого рушится, не отказываясь совершенно от надежды найти какую-то уверенность в переговорах с британским кабинетом, приучимся заранее рассматривать Россию как естественного союзника Англии и подготовимся к борьбе с результатами сближения этих двух держав на континенте, коль скоро более не в наших силах помешать этому»²⁹. В апреле 1811 г. Наполеоном был разработан конкретный план войны против России³⁰ и лишь военные неудачи в Испании и неурожай 1811 г. во Франции отложили его осуществление. Но исторический урок континентальной блокады сказался

²⁶ См. К. Nesselrode, *Lettres et papiers*, t. III (1805—1811), Paris, 1909, p. 246—248; ЦГИАЛ, ф. 583, д. 218, л. 73—74.

²⁷ Сб. РИО, т. 89, стр. 203.— декларация Александра I от 26 октября (7 ноября) 1807 г. о разрыве с Англией.

²⁸ «Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов Александра и Наполеона (1808—1812)», т. VII, СПб., 1914, стр. 260. «Пусть русский император прикажет конфисковать все те суда, которые направляются к его портам! Они нагружены колониальными товарами, это одно заслуживает того, чтобы их конфисковать» (Шампаньи — послу в России Коленкуру 16 октября 1810 г.).

²⁹ К. Nesselrode, *Lettres et papiers*, t. III, p. 244—248; Н. К. Шильдер, Император Александр I, т. III, СПб., 1897, Приложения, стр. 471—483.

³⁰ См. А. Вандаль, Наполеон и Александр I, т. III, СПб., 1913, стр. 145—149.

еще и в том, что она не объединила, а разъединила потенциальных союзников Наполеона и в 1812 г. они не оказали ему достаточно эффективной помощи. Наполеоновской дипломатии не удалось склонить на свою сторону Швецию, а Турция накануне вторжения Наполеона в Россию заключила с ней мир. Австрия приняла в войне чисто номинальное участие, послав всего 30-тысячный корпус Шварценберга. Впоследствии сам Наполеон с горечью признал: «Моя дипломатия должна была сделать для меня половину кампании, а она почти и не думала об этом»³¹.

ВОПРОС О ПРИЧИНАХ ПОРАЖЕНИЯ АРМИИ НАПОЛЕОНА В РОССИИ

Данный вопрос представляет наибольшую трудность для французских буржуазных историков. Как увязать объяснение полного провала русского похода французской армии с апологетикой политической и военной деятельности Наполеона, затушевыванием грабительского характера его войны, воспеванием его как продолжателя традиций Великой французской революции? Неудивительно, что апологеты бонапартизма стремятся искать причины поражения Наполеона в войне 1812 г. вне связи с социально-политической и экономической ситуацией, сложившейся во Франции и Европе в то время, придать им чисто внешний субъективный характер. Вряд ли можно удивляться и тому, что французские историки склонны недооценивать мощь русской армии и способности ее командования в сравнении с «великой армией» Бонапарта. Насколько сильна во французской буржуазной литературе эта тенденция, можно судить хотя бы по тому, что для одной из немногих во Франции серьезных обобщающих работ по всемирной истории, какой является упоминавшаяся выше семитомная «Всеобщая история цивилизации» (Париж, 1953—1957 гг.), характерна следующая оценка войны 1812 г.: «Армия захватчиков растворилась в русских просторах, зиме, русском многолюдии. Народ и правительство России держались хорошо. Однако перед русским военным командованием, стоявшим ниже командования противника, возникали относительно более легкие задачи, ибо в равнинной стране продвижение войск не было слишком большой проблемой для штабных офицеров»³².

Все это не ново. Большинство «объяснений» поражения Наполеона в войне 1812 г. родилось еще в ту эпоху. Хорошо известна введенная во французскую историографию в 20-х годах XIX в. версия адъютанта Наполеона графа Сегюра о гибели «великой армии» от русских морозов³³. Климатом, плохими дорогами, «варварскими» обычаями русских и предательством ближайших соратников (Галейрана и Фуше) оправдывал свое поражение и сам Наполеон. Позднее его апологеты раздули версию о «скифском плане» заманивания французских войск в глубь России, по которой выходило, что русское военное командование, будучи «ниже командования противника», боялось вступать с ним в открытый бой. Руководствуясь все тем же стремлением возвысить Наполеона и приукрасить историю Первой империи, современные его почитатели некритически повторяют тезисы полуторавековой давности, в то же время упоминая лишь мельком о широком национально-освободительном движении в поработанных Наполеоном странах, о героизме русской армии и русских партизан.

³¹ См. А. Вандаль. Наполеон и Александр I, т. III, СПб., 1913, стр. 339.

³² «Histoire générale des civilisations», t. V, p. 487.

³³ См. Philippe Paul Ségur. L'Histoire de Napoléon et de la Grande Armée pendant l'année 1812, Paris, 1824. (Ф. П. Сегюр. Поход в Россию. Записки адъютанта императора Наполеона I, М., 1916). Характерно, что книга Сегюра недавно переиздана в США (см. Ph. Paul Ségur. Napoléon's Russian Campaign, Boston, 1958).

Холод, голод и бескрайние русские просторы погубили «великую армию» — это внушение красной нитью проходит по страницам труда Фюжье. Большие расстояния при отсутствии достаточно быстрых средств связи привели к тому, что гениальные приказы Наполеона либо совсем не доходили до подчиненных, либо безнадежно опаздывали. Воспользоваться же наиболее дешевым и быстрым средством связи того времени — морским транспортом — Наполеон не мог, поскольку на море хозяйничали англичане. Поэтому из-за непомерно далеких расстояний провалилась не только идея континентальной блокады (начальники французских таможен долго не получали директив и вынуждены были заниматься самоуправством)³⁴, но и русский поход Наполеона, в котором французские солдаты вынуждены были делать огромные переходы по чужой, разоренной стране, зачастую вступая в бой прямо с марша, без четкого плана атаки. «Причиной разгрома не был огонь русских солдат, — так резюмирует Фюжье свой анализ итогов войны 1812 г. — Никто не сомневается в том, что царские армии значительно улучшились с 1807 г., но в целом лишь $\frac{1}{5}$ потерь наполеоновской армии должна быть отнесена за счет сражений или стычек, а все остальное — за счет голода, усталости и холода»³⁵. А. Фюжье готов даже обвинить Наполеона за недалковидность (не сумел подготовить достаточно продовольствия и зимнего обмундирования для столь тяжелой кампании). И в то же время он оправдывает мародерство французских солдат в России, поскольку их на это толкал... голод.

Довод о «варварских» методах ведения войны мы находим у другого известного современного наполеоновского апологета Луи Мадлена. Оказывается, вступая в Москву, французские солдаты рассчитывали найти там «комфорт и попойки». Вместо этого их встретил покинутый жителями, объятый пламенем город. «Обманутые в своих надеждах», они начали грабежи. Так рухнули «гениальные» планы Наполеона, составленные применительно к европейским условиям, началось разложение наполеоновской армии, что в конечном итоге вместе с русскими морозами и обусловило ее полное поражение³⁶. Мадлен раздувает также роль предательства Талейрана в специально посвященной этой теме статье³⁷.

Что касается «тезиса» о низком уровне русского военного командования (кстати, введенного в оборот самим Наполеоном), то здесь необходимо сказать следующее. Первым, кто развил перед Наполеоном мысль о легкой победе над русскими армиями, был специальный уполномоченный Наполеона граф Нарбонн. 18 мая 1812 г. он прибыл в Вильно для передачи письма Наполеона Александру I. Главной же целью миссии Нарбонна было выявление русских планов ведения войны. Первое, что он обнаружил, это отсутствие определенного плана войны. Действительно, накануне войны у русского военного командования не было единого плана действий русских западных армий на случай войны с Францией. Так, еще в январе 1810 г. Барклай-де-Толли представил Александру I «Записку военного министра о защите запад-

³⁴ А. Фюжье. Указ. соч., стр. 233.

³⁵ Там же, стр. 290.

³⁶ L. Madelin. Histoire du Consulat et de l'Empire, t. 12, La Catastrophe de Russie, Paris, 1949, p. 208. Та же концепция видна в подавляющем большинстве работ о военных действиях французской армии в России в 1812 г. См. в частности: A. Bastard. Aperçu sur la campagne de Russie en 1812 (А. Бастар. Взгляд на русскую кампанию 1812 г.) «La science historique», Paris, 1957, № 3—4, p. 116—122; F. Du Monceau. La campagne de Russie (Ф. Дю Монсо. Русская кампания), «Bulletin de la Société belge des Etudes Napoléoniennes», Bruxelles, 1957, № 22, p. 5—19). Marchal Juin. La campagne de Russie (Марешаль Жуэн, Русская кампания) в сб. «Napoléon». Paris, 1960.

³⁷ L. Madelin. Talleyrand trahissait son maître, «Historia», Paris, 1958, № 143, p. 389—394.

ных пределов России», предложив вести оборонительную войну на территории России по укрепленной линии Двина — Днепр³⁸. В отличие от этого плана, Бенигсен в феврале 1811 г. предложил план наступательной войны путем объявления Франции войны и ведения военных операций за пределами России на территории Польши и Пруссии³⁹. И у того, и у другого плана были свои сторонники и противники. Большая часть русских генералов во главе с Барклаем-де-Толли склонялась к ведению оборонительной войны, поскольку наступательные операции, по их мнению, были бы возможны лишь при условии привлечения на сторону России поляков герцогства Варшавского и союза (или нейтралитета) с Австрией⁴⁰. Меньшая часть настаивала на наступательной тактике и переносе военных действий за пределы России⁴¹. Александр I лавировал между этими двумя точками зрения, до последнего момента надеясь кончить конфликт с Наполеоном каким-нибудь компромиссом (на что, кстати, указывает поездка Балашова к Наполеону уже после перехода французскими войсками западной границы России). Фактически же подготовка России к войне велась на основании приказов военного министра Барклая-де-Толли. Эту неразбериху и наличие различных мнений увидел Нарбонн. Вернувшись, он 26 мая в Дрездене сделал Наполеону подобный отчет обо всем увиденном, особо подчеркнув отсутствие у русских определенного плана военных действий⁴². Позднее эта версия была положена в основу концепции французских историков об эмпирическом характере действий русского командования, которое ничего не делало, а лишь отступало, предоставив обстоятельствам и климату бороться с армией захватчиков.

На самом деле русское командование вовсе не было таким беспомощным. Оно действительно ошибалось в расчетах относительно численности французской армии — ожидалось, что Неман перейдет примерно 200—250 тыс. французских войск, а их перешло более 400 тыс.⁴³. Поэтому «не „скифский план” искусственного заманивания противника, а отход под давлением превосходных сил — вот что руководило действиями Барклая в первые месяцы войны»⁴⁴.

Из всех современных французских работ о 1812 г. только в книге Э. Терсена мы встречаем критику версии о «скифском плане»: «Совершенно не доказано (и даже оспаривается), что русское военное командование заранее думало использовать пространства России для заманивания в глубь страны наполеоновских войск»⁴⁵. Э. Терсен правильно отмечает: «Это был, как говорил Маркс, не свободный выбор, а суровая необходимость»⁴⁶.

Особенно явно выступает тенденциозность французских буржуазных историков при оценке сражений русской и французской армии под Смоленском, Бородиным (битва у р. Москва, по французской терминологии) и Малоярославцем. Битва под Смоленском признается безусловной победой Наполеона, вынудившей русскую армию к дальнейшему отсту-

---

³⁸ См. сб. док. «Отечественная война 1812 г.», «Материал Военно-ученого архива Главного штаба», т. I, ч. 2, СПб., 1900, стр. 1—5.

³⁹ Там же, т. III, стр. 84—92.

⁴⁰ См., в частности, записку П. М. Волконского о плане военных действий от 29 апреля (11 мая) 1812 г. «Отечественная война», т. X, стр. 324—333.

⁴¹ См. рапорты командующего 2-й западной армией Багратиона Барклаю-де-Толли и Александру I в апреле и июне 1812 г. (там же, стр. 231—233; т. XIII, стр. 48—50, 107—109, 131—133).

⁴² См. A. Saulaincourt. Mémoires, t. I, Paris, 1933.

⁴³ Е. В. Тарле. Нашествие Наполеона на Россию, «1812 год», стр. 449.

⁴⁴ Там же, стр. 474.

⁴⁵ Э. Терсен. Указ. соч., стр. 336, 337.

⁴⁶ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 14, стр. 93; Э. Терсен. Указ. соч., стр. 336.

плению⁴⁷. Битва при Бородино после всякого рода оговорок (стойкое сопротивление русских солдат и ополченцев, незначительное число русских — менее 2 тыс. — взятых в плен, организованное отступление русской армии к Москве) также считается победой «великой армии»⁴⁸. Что касается сражения под Малоярославцем, то и оно, по мнению Мадлена, не было проиграно Наполеоном. Просто он не захотел устраивать «нового Бородина»⁴⁹.

Столь же типична и попытка отрицать народный характер войны 1812 г. Даже в упоминавшейся выше книге Ж. Лефевра читаем следующее: «Официальная (русская.— В. С.) традиция, без сомнения, преувеличила национальный характер этой войны: никакой массовый прорыв не поднял русский народ, а просто крепостные, как, впрочем, и некрепостные, бегали от голодных захватчиков и, доведенные до отчаяния, отвечали партизанской войной»⁵⁰.

Справедливости ради следует отметить, что не все французские историки закрывают глаза на истинные факты. Э. Терсен (возражая Ж. Лефевру) прямо указывает, что война 1812 г. с самого начала была «национальной войной». Против армии захватчиков боролись не только регулярные войска, но весь народ. В этом состояло принципиальное отличие кампании 1812 г. от всех предыдущих войн Наполеона. Ссылаясь на мемуары Дениса Давыдова, Терсен отмечает широкий размах партизанского движения и его взаимодействие с русским военным командованием⁵¹.

Одной из проблем, интересующих французских историков, является вопрос: почему Наполеон, если он являлся продолжателем дела революции, не призвал русских крепостных к восстанию, не пообещал им освобождение в случае победы? Ведь таким образом он придал бы своему походу характер освободительной миссии. А. Фюжье объясняет решение Наполеона воздержаться от этого шага джентельменским стремлением последнего быть лояльным противником Александра I и вести войну по законам «европейской цивилизации». Фюжье приводит высказывание Наполеона накануне вторжения в Россию: «Я буду вести с Александром вежливую войну при 2000 пушек и 500 000 солдат, а не поднимать восстание»⁵². Эта версия (кстати сказать, выдвинутая самим Наполеоном в его речи перед французским сенатом 20 декабря 1812 г. для оправдания своего поражения в России)⁵³, разумеется, не выдерживает серьезной критики.

Более близок к истине Э. Терсен. Он считает, что если мысль обещать свободу крепостным и приходила Наполеону в голову, то очень скоро он от нее отказался. Терсен указывает на создание в Польше по французскому образцу администрации, целиком набранной Наполеоном из польской шляхты и аристократии. Даже французские солдаты, не говоря уже об иностранных, считали поход 1812 г. захватническим и не хотели идти «завоевывать степи». Терсен отмечает разложение наполеоновских генералов, их коррупцию, стремление к роскоши. Он прямо пишет: главная слабость армии Наполеона заключалась в том, что «она более не была разутой и раздетой, но республиканской армией Франции, которую в 1796 г. повел за собой в Италии молодой Бона-

⁴⁷ L. Madelin. Histoire du Consulat et de l'Empire, t. 12, p. 163.

⁴⁸ Там же, стр. 199.

⁴⁹ Там же, стр. 228.

⁵⁰ J. Lefevre. Napoleon. Paris, 1953, p. 518.

⁵¹ Э. Терсен. Указ. соч., стр. 335, 336.

⁵² А. Фюжье. Указ. соч., стр. 289.

⁵³ «Я мог поднять большую часть населения, провозгласив свободу крепостных...

Но когда я узнал, в какой грубости находится этот класс русского народа, я отказался от такой меры, которая обрекала столько семей на смерть и страдания» («Correspondence de Napoléon», Paris, t. 24, p. 342. Е. В. Тарле. Нашествие Наполеона на Россию, «1812 год», стр. 417—418).

парт»⁵⁴. Контрреволюционный характер наполеоновской империи — вот что обусловило отказ Наполеона от мысли об освобождении русских крепостных. «Нужно сказать со всей ясностью,— пишет Э. Терсен,— что Французская империя, с ее все более и более иерархической социальной структурой и растущим числом контрреволюционно настроенных кругов, занявших основные позиции в политической системе империи, была вынуждена встать на консервативную позицию по этому вопросу (освобождение крестьян.— В. С.); являясь монархией, эта империя совершила бы самоубийство, перейдя на революционные позиции (эта неспособность наполеоновской империи к революционным действиям особенно серьезно проявилась во Франции в 1814—1815 гг.)»⁵⁵. Действительно Наполеону не приходилось рассчитывать на поддержку народных масс не только в завоеванных странах, но и в своей стране. Ибо не кто иной, как он сам еще в 1800 г. раздавил во Франции не только революционную, но даже и либеральную оппозицию бывших деятелей Великой французской революции, а в тылу французской армии, в Испании, с 1808 г. полыхало пламя народной войны против французских поработителей. Как отмечал Е. В. Тарле, «...крепостническое русское дворянство имело бы еще основание бояться бывшего „революционного“ генерала, разрушавшего феодальный режим и освобождавшего крестьян в завоевываемой им Европе, но на Россию напал уже не тот молодой генерал Бонапарт, который 13 вандемьера 1795 г. расстрелял на парижских улицах пушечными залпами монархистов, восставших против республики, а государь „божьей милостью“, вроде его тестя, австрийского императора»⁵⁶.

* * *

Такова оценка Отечественной войны 1812 г. в общих трудах о наполеоновской эпохе современных историков Франции. Как мы видим, основные пороки буржуазной наполеоновской историографии при характеристике событий 1812 г. остались прежними. Вынужденные признать, что на полях России Первой империи был нанесен смертельный удар («Катастрофа в России»), они тем не менее всячески пытаются найти «частные» причины этого поражения. По-прежнему подавляющее большинство работ о 1812 г. содержат откровенно апологетическую оценку Наполеона, авторы их преуменьшают или замалчивают определяющую роль русского народа и русского оружия в разгроме армии захватчиков. Таковы, как мы видели, книги А. Фюжье и Л. Мадлена. Попытки дать более объективный анализ истории войны 1812 г. содержатся в трудах и буржуазных историков т. н. «экономического направления» (работы Ж. Лефевра, V т. «Всеобщей истории цивилизации»). Но и они по целому ряду важных вопросов находятся в плену старых, апологетических концепций А. Сореля и А. Вандаля.

Лишь в книге Э. Терсена мы встречаем объективную характеристику захватнической политики наполеоновской империи, классовую сущность бонапартизма и научно-исторические изложения причин поражения Наполеона в войне 1812 г. Не случайно реакционный французский журнал «Revue d'histoire diplomatique» назвал книгу Э. Терсена «диаметрально противоположной по духу и методу» типичным для Франции работам о Наполеоне, а самого автора — последователем Е. В. Тарле⁵⁷.

⁵⁴ Э. Терсен. Указ. соч., стр. 335—337.

⁵⁵ Там же, стр. 336.

⁵⁶ Е. В. Тарле «Бородино» (неопубликованная ранее статья, написанная в 1952 г. к 140-летию Бородинского сражения), «Литературная газета», 9 августа 1962 г., № 94.

⁵⁷ «Revue d'histoire diplomatique», Paris, 1961, № 1, p. 61.